

Бернгардт Оксана Вячеславовна

канд. филол. наук, доцент

Келлерман Людмила Юрьевна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет» Минздрава России
г. Ярославль, Ярославская область

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРИ СОЗДАНИИ МОДЕЛИ СЛОВАРЯ ДЕТСКОЙ БИЛИНГВАЛЬНОЙ РЕЧИ

***Аннотация:** ребенок-билингв обладает уникальным взглядом на мир, поскольку в нем находит отражение соединение нескольких культур. Эта уникальность проявляется в первую очередь на языковом уровне, и язык отражает его бикультурность. Изучение этого феномена и отражение его в лексикографической практике не разработано системно ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике. Впервые разработана модель лексикографического словаря с описанием речи ребенка-билингва. В качестве основного метода сбора материала использовано анкетирование.*

***Ключевые слова:** бикультурность, словарь-тезаурус речи ребенка-билингва, языковой мир ребенка-билингва, картина мира ребенка-билингва, детская речь, детская психология, развитие психических процессов, формирование психических процессов, культурная значимость языковых фактов.*

Одним из аспектов изучения детской речи является ее лексикографическое описание. Накоплены значительные по объему данные, созданы многочисленные словари детской речи и образов детства.

На основе анализа лексикографического описания детской речи была разработана модель словаря-тезауруса речи ребенка-билингва, чтобы показать ту особенную составляющую, которая характеризует языковой мир двуязычного ребенка и отличает его от детей-монолингвов.

Формой фиксации особого языкового мира ребенка-билингва был выбран тезаурусный словарь, построенный по модели «Словаря-тезауруса детской речи» В. К. Харченко, где «словарная статья включает заголовочное слово, так называемую лемму, далее дается в ряде случаев семантизация детского слова, то есть указывается его значение, иллюстрируемое высказыванием ребенка, после чего приводится, если есть в картотеке, другое значение, соответственно, с другим высказыванием-иллюстрацией» [3. С. 4].

Информантами послужили 17 детей (семь девочек и десять мальчиков) в возрасте от 4 до 10 лет (включительно), из них: один ребенок четырехлетнего возраста, один – пятилетнего, один – шестилетнего, три ребенка – семи лет, два – восьмилетнего, два – девятилетнего и шесть детей десятилетнего возраста, проживающие в Германии не менее 5 лет. У двенадцати информантов оба родителя говорят на русском языке как на родном и являются переселенцами из России или Казахстана. У пятерых детей один из родителей немец, не владеющий свободно русским языком.

При работе над моделью словаря мы столкнулись с рядом «лексикографических противоречий». Часть из них В.К. Харченко раскрывает в предисловии к «Словарю современного детского языка», который включает в себя около 10000 слов и свыше 15000 высказываний [3]: противоречие между широтой словника и глубиной словарной статьи, противоречие между языковыми и концептуальными приоритетами при выборе трактуемого слова, противоречия между точностью фиксации устного слова и требованием элементарного редактирования, противоречие между количеством опрашиваемых и наблюдаемых детей и степенью изученности языковой личности ребенка, противоречие между необходимостью регулировать как гендерные, так и возрастные характеристики, не допуская превалирования определенного пола и определенного возраста, противоречия вневелингвистического и лингвистически ориентированного диалога с детьми, противоречия между целостностью высказывания и его возможной избыточностью для словарной статьи, противоречия между общепринятой графикой и пунктуацией и словарными лакунами в отношении графической передачи

речи ребенка, противоречия между количеством фиксации правильного и неправильного в детской речи.

При создании модели словаря речи ребенка-билингва мы придерживались пропорции, предложенной В.К. Харченко. Количество иллюстраций не должно соответствовать количеству слов в словаре. На одно слово мы старались дать минимум две иллюстрации, чтобы словарь не потерял «надежности» и в тоже время «единичное» не подменило «типичное» [2, с. 6]. Однако встречаются слова с единичными иллюстрациями. Это объясняется, прежде всего, количеством опрошенных информантов.

Особую трудность представлял выбор трактуемого слова и в действительности получалось, что речевое наполнение понятий расходилось по некоторым словарным статьям. В качестве примера рассмотрим следующие словарные статьи:

Мужчина – Кому в жизни труднее: мужчине или женщине? – Мужчине. – Почему? – Потому что мужчины ходят на работу. А мой папа ходит. Он не приходит пока... Он приходит, когда я уже сплю. Женщина укладывает меня и потом идет вниз (Семен, 7 л. 3 м.).

Женщина – Кому тяжелее мужчине или женщине? – Я думаю женщинам, они должны работать там все, детей рожать хорошо. Они не много работают, но они должны дома делать, детей смотреть, вот так все... да. Мужчинам не очень, они работают, они деньги получают, они так много не делают в доме (Диана, 10 л. 4 м.).

Поскольку речь детей первоначально записывалась на аудионосители, то при письменной обработке проводилось редактирование, убирались некоторые «шероховатости» устной речи, что также спровоцировало противоречие между точностью фиксации устного слова и требованием элементарного редактирования.

Следующим противоречием является противоречие между необходимостью не допускать превалирование определенного возраста и недостаточным владением русским языком у детей младшего дошкольного возраста. Согласно

наблюдениям, дети четырех – пяти лет не могут в полной мере грамотно сформулировать мысль относительно того или иного понятия, в том числе и на русском языке. В результате чего возникает непонимание ситуации или переход на немецкий язык:

Че – Какой твой любимый предмет? – Чё? (Валерия, 6 л. 9 м.).

При создании модели словаря детской билингвальной речи задавались вопросы, целью которых не являлось получить толкование того или иного слова, а лишь добиться от ребенка описание ситуации, в которой слово может, с его точки зрения, употребляться. Подобным способом мы старались избегать получения детских толкований. Однако, в речевых ситуациях толкования все же случались, но по инициативе ребенка, а не задавались специально интервьюером:

Джунгли (Размышляет, где лучше жить в городе или в деревне.) – В городе можно делать все, что хочешь, а в джунгли ... там вот такие звери ... много. – Ты сейчас рассказываешь про джунгли, а ты знаком со словом «деревня»? – Да, я знаю. Это, где очень много дерева (Миша, 7 л. 1 м.).

Формируя словарную статью, мы, с одной стороны, стремились минимизировать временные отрезки, для чего часть информации, не относящейся к сути высказывания опускалась, а с другой стороны, не разрывали высказывания так, что их доли относились бы к разным статьям. Особую проблему представляла графическая передача речи ребенка. С одной стороны, детская речь обладает своеобразной мелодикой, динамикой, с другой стороны, мы столкнулись с явлением переключения кодов и необходимостью записывать речь ребенка, когда русские слова перемежаются с немецкими. Данная проблема была решена следующим образом: немецкие слова, которые ребенок включал в свою речь, были зафиксированы по правилам немецкой орфографии, поскольку перед нами был не одноязычный информант, а информант-билингв, и созданная модель словаря рассчитана на людей, владеющих русским и немецким языком, т. к. без этих знаний невозможно понять языковой мир ребенка, говорящего на данных языках.

Еще одним противоречием, с которым мы столкнулись и, которое было выделено В.К. Харченко, является противоречие между количеством

«правильного» и «неправильного» в детской речи [4. С. 7]. В этой связи перед нами стоял выбор, какие высказывания отображать в словарной статье. Ядром основы словарной статьи стали нормативные детские высказывания на соответствующее слово. Безусловно, в собранном материале присутствуют «неправильности» детской речи. В качестве иллюстративного примера они приводятся в том случае, когда эти «неправильности» не влияют на понимание контекста:

Еврейский язык – Какие ты изучаешь языки? – Еврейский, немецкий, но в большом классе еще буду английский учить (Семен, 7 л. 3 м.). *Еврит – Чем вы занимаетесь в школе?* – Евритом и немецком (Миша, 7 л. 1 м.).

Следующим важным аспектом фиксации «неправильностей» детской речи является их своеобразие, которое необходимо показать в данной модели словаря. Используя в качестве иллюстративного материала высказывания, содержащие «неправильности», фиксируется особый языковой мир ребенка-билингва.

Другим противоречием, которое необходимо подчеркнуть, является противоречие между словом словарной статьи и ясностью контекста, в котором это слово употребляется:

Квадрат (поясняет, как можно сделать конверт.) – Есть письмо – вот такой квадрат (*показывает*), а потом вот эту... три квадрата туда... потом вот так, потом вот так, а потом вот так. Все (Миша, 7 л. 1 м.).

В приведенной модели словаря в качестве словарных заголовков не используются слова, возникшие в результате словотворчества и формотворчества, но они, безусловно, присутствуют внутри словарной статьи.

Модель словаря содержит как имена нарицательные, так и имена собственные (клички животных, географические названия, герои книг, мультфильмов, сказок, названия детских телепередач, компьютерных игр, певцы, писатели):

Дед Мороз – Скоро Новый год. Ты написал письмо Деду Морозу? – Все – равно не спасет. Деда Мороза нету. Я знаю, что уже кто-то... По настоящему его нет. Все время вот... только они переодеваются на Дед Мороза. Только обман (Миша, 7 л. 1 м.).

Графическая фиксация фонетических особенностей детской речи обозначалась с помощью функции «выделение жирно»:

Слова – На каком языке тебе больше нравится читать? – Мне больше на немецком нравится, потому что больше слова понимаю, а на русском я не все понимаю (Радион, 10 л. 3 м.).

По мнению В.К. Харченко, словарь детской речи «должен привлечь внимание взрослых людей не только к детской речи... но и к своей собственной, взрослой речи, поскольку такой... словарь обнажает творческую амплитуду, заставляет задуматься о важнейшей инструментальной функции слова, а также о необходимости продолжать фиксацию детской речи, сохраняя ее лингвистические сокровища там, где им положено храниться: в словарях разного типа, объема и целеполагания» [4, с. 12–13]. Все вышесказанное можно с полным правом отнести и к речи детей-билингвов, не забывая о том, что их речь как минимум в два раза интереснее, поскольку у таких детей обнаруживается высокий творческий потенциал в использовании двух языков.

Список литературы

1. Бернгардт О.В. Речь ребенка-билингва как предмет лексикографического описания (ситуация русско-немецкого двуязычия): Дис. ...канд. филол. наук. – Ярославль, 2009. – 218 с.
2. Харченко В.К. Парадоксы детской речи: Опыт словаря / В.К. Харченко, Н.М. Голева, И.М. Чеботарева. – Белгород: Белгородский гос. пед. ун-т, 1995. – 152 с.
3. Харченко В.К. Словарь-тезаурус детской речи. – Белгород: Изд-во Белгород, гос. ун-та, 2001. – 216 с.
4. Харченко В.К. Словарь современного детского языка. – М: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 637 с.